

БРАТСТВО и ПУТИ ПРАВОСЛАВНАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ

На осеннемъ сѣздѣ русскаго Православнаго студенческаго движенія*) въ монастырѣ Хопово (Югославія) самые живые и горячіе разговоры вызвалъ вопросъ о братствѣ, причѣмъ этотъ вопросъ обсуждался не отвлеченно, а практически. Вынесенная резолюція гласила, что братство является наиболѣе подходящимъ путемъ для движенія.

Каждый, кто считаетъ значительнымъ самый фактъ существованія религіознаго движенія среди молодежи, не можетъ не придавать значенія тѣмъ путямъ, по которымъ оно идетъ. Между тѣмъ братство является именно путемъ. То, что было вынесено на сѣздѣ, давно нарождалось въ отдѣльныхъ кружкахъ, внутренне выросло въ движеніи.

Поэтому самъ собой возникаетъ вопросъ, почему же именно братство является какъ бы завершеніемъ и выходомъ для движенія, чѣмъ оно влечетъ къ себѣ сердца русской молодежи; есть ли братство правильный путь для движенія, прямое развитіе, а не уклоненіе?

Братство есть форма церковной общности. Церковная форма есть прежде всего живое содержаніе, помощь церкви и ея благословеніе, изливающееся на опредѣленную область жизни. Стремленіе отъ религіознаго кружка къ православному братству есть сознаніе и предчувствіе того, что братство несетъ въ своемъ существѣ то, что восполняетъ недостающее въ кружкѣ. Каждый кружокъ въ отдѣль-

ности и ихъ совокупность — движеніе представляютъ собою форму религіозной общности. Поэтому если углубить вопросъ, то можно сказать, что стремленіе отъ кружка къ братству есть стремленіе формой церковной общности восполнить недостающее въ общности религіозной, какъ то по церковному рѣшить проблему общности.

Всякое общественное дѣланіе заключаетъ въ себѣ два момента: личный и субъективный, то что отдается каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ общему дѣлу и то, что этимъ общимъ дѣломъ лично каждому дается, и моментъ общій и объективный, независящій отъ личныхъ переживаній, моментъ объективной правильности или неправильности, нужности или ненужности всего дѣла въ цѣломъ. Поэтому, поставивъ вопросъ о правильности или неправильности стремленія студенческаго движенія къ братству, подойдемъ къ его разрѣшенію именно съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Первымъ подходомъ будетъ отвѣтъ на то, даетъ ли братство личное удовлетвореніе каждому человѣку идущему къ нему, разрѣшаетъ ли оно то, чего въ немъ ищутъ. Вторымъ же подходомъ будетъ объективный взглядъ на братство въ цѣломъ, какъ форму болѣе удовлетворяющую тѣмъ цѣлямъ, которыя передъ собою ставитъ православное студенческое движеніе.

Всякое религіозное движеніе, имѣя цѣлью служеніе Богу, внутреннее или внѣшнее, не можетъ быть простымъ и случайнымъ объединеніемъ людей. Оно должно быть союзомъ любви, соединеніемъ многихъ воедино для совмѣстнаго вну-

*) См. статью Л. А. Запдера — № 2 журнала «Путь».

тренияго роста и укрѣпленія въ истинѣ. Всякое религіозное дѣло, какъ бы высоко оно не было, безъ любви лишь «мѣдъ звѣнящая или кимваль звучащій».

Это всегда ощущалось и въ русскомъ Православномъ студенческомъ движеніи. Всякій приходящій въ религіозный кружокъ, прежде всего, ищетъ, сознательно или бессознательно, этой внутренней связи съ другими людьми. Умственный интересъ, изученіе, познание несомнѣнно имѣютъ большое значеніе. Но не главное. Главнымъ является *совмѣстное* изученіе, *совмѣстное* познание, а эта совмѣстность вѣдь именно и есть внутренняя связь, внутреннее восполненіе одного человѣка другимъ, которое невозможно безъ любви. вмѣстѣ съ тѣмъ въ кружкѣ именно объ этомъ самомъ главномъ обычно не говорится, это главное является лишь подразумеваемымъ. И это не ошибка. Это очень правильное здоровое ощущеніе. Было бы наоборотъ ошибкой явно и прямо ставить задачей кружку взаимную любовь. Въ этомъ крылась бы трудно объяснимая и выразимая, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно реальная опасность нѣкоего сектанства, которая многихъ православныхъ отвращаетъ вообще отъ всякихъ кружковъ и заставляетъ относиться къ нимъ подозрительно: Въ такомъ случаѣ передъ кружкомъ постоянно висѣла бы опасность сентиментальности или экстагическаго вызыванія въ себѣ любви, того лживо восторженнаго или притворно слащаваго тона, который такъ часто ощущается въ высокиихъ словахъ о любви и близости.

Для любви нѣтъ законовъ и поэтому нельзя полюбить человѣка только оттого что онъ единомышленникъ или соратникъ. Любовь трудно распространяется на общественную связь. Поэтому въ каждомъ общественномъ объединеніи, и особенно въ религіозномъ кружкѣ, есть трагическое раздвоеніе. Съ одной стороны совмѣстное погруженіе въ Православіе требуетъ внутренней связи, уже потому, что Православіе есть жизнь и любовь, а не холодная умственная схема. Но съ другой стороны постоянно ощущается недостаточность этой любви, неаправильность искусственнаго вызыванія ея. По обычному свойству естественной любви приходитъ и уходитъ, она то разгорается, даетъ радость и увѣренность, что въ кружкѣ все обстоитъ благополучно, то охлаждаетъ и затмѣвается, и тогда наступаетъ время тяжести и безпокойства.

Именно это, сознательно или' бессознательно, ощущаемое противорѣчіе заставляетъ говорить при возникновеніи всѣхъ трудностей о братствѣ, видѣть въ его церковной формѣ правильное завершеніе того, чего недостаетъ въ кружкѣ.

Подлинное церковное міровоззрѣніе вноситъ яркій свѣтъ въ спутанный и затемнѣнный міръ человѣческихъ переживаній. Церковное міровоззрѣніе рѣзко и опредѣленно раздѣляетъ то, что вложено въ человѣка и постоянно находится въ его распоряженіи и то, что дается ему свыше какъ даръ, хотя бы и въ результатѣ его усилій. И поэтому церковь открываетъ ему тяжелый путь внутренняго труда, а съ другой стороны ограждаетъ отъ попытокъ своевольнаго вторженія туда, гдѣ одно человѣческое усиліе всегда останется безсильнымъ и бесплоднымъ. Это открывается въ двухъ глубочайшихъ моментахъ: въ постоянномъ дерзновенномъ трудѣ и въ смиреніи.

Любовь, также какъ и теплота молитвы есть даръ. Она вложена естественно въ человѣка и ея приращеніе есть тоже даръ, даваемый за усилія, за трудъ, но это приращеніе не можетъ быть вызвано искусственно. Когда она приходитъ въ сердце и живетъ въ немъ, человѣкъ живетъ своей подлинной жизнью, постоянно взыскую еще большаго увеличенія любви. Но если она уходитъ или уменьшается, онъ долженъ смиренно трудиться и молиться объ ея возвращеніи. Моменты оскуденія любви безконечно тягостны, но нѣтъ средствъ, кромѣ труда и молитвы превозмочь ихъ. Всякое вызываніе эмоциональной любви, всякій восторгъ, экстазъ, сентиментальность, также какъ и холодное констатированіе отсутствія любви и отсутствіе всякаго труда для преодоленія этого состоянія, ничего не могутъ принести человѣку. Такимъ образомъ церковь ставитъ прямой задачей человѣка увеличеніе любви и даетъ единственно правильный путь къ достиженію этого. Этотъ путь распространяется на отношеніе ко всѣмъ людямъ, также и къ тѣмъ, кто является сотрудниками въ извѣстномъ дѣлѣ, т. е. этотъ путь долженъ быть и путемъ общественности.

Но тутъ можетъ возникнуть вопросъ. Если кружокъ или общественное объединеніе усвоитъ себѣ этотъ взглядъ на взаимоотношенія своихъ членовъ, то оно сдѣлается церковнымъ? Почему же именно говорить о братствѣ?

Дѣло въ томъ, что однимъ *сознаніемъ* правильнаго пути общественность еще не дѣлается церковной. Всякое *только* сознаніе или *только* разсужденіе, при всей своей правильности всегда есть нѣкое упрощеніе истиннаго содержанія. Оно имѣетъ малую силу къ воплощенію въ жизнь и почти всегда остается теоретическимъ. Истинное и главное различіе церковнаго міросозерцанія отъ всякаго иного міросозерцанія заключается въ томъ, что оно не постигается разумомъ, но цѣлостно и реально дается въ благословеніи церкви и поэтому уже не является міросозерцаніемъ, но жизнью. Можно правильно постичь разумомъ путь спасенія, путь жизни, но онъ сдѣлается реальнымъ путемъ лишь въ таинствахъ и благословеніи церкви. Поэтому именно *въ реальномъ и непосредственномъ благословеніи* церкви, разумно и надразумно дающемъ путь къ правильному отношенію къ своимъ сочленамъ и соратникамъ — братчикамъ для совмѣстнаго достиженія единой церковной цѣли и лежитъ разница между братствомъ и всякой иной религіозной организаціей.

Братство ставитъ своей прямой цѣлью служеніе церкви и достиженіе необходимой взаимной любви. Оно прямо выявляетъ то, что только подразумевается въ кружкѣ и выявляя это, благословеніемъ Церкви. объѣтомъ и братской молитвой даетъ силу къ исполненію этого. Благословеніе Церкви не избавляетъ отъ трудностей, не избавляетъ отъ необходимости бороться за любовь, отмѣтаетъ недоразумѣнія и разногласія, которыя всегда возникаютъ въ человѣческомъ союзѣ. Въ союзѣ братства ничего не мѣняется въ смыслѣ естественныхъ человѣческихъ отношеній, возможности сближеній, расхожденій, ссоръ, недоразумѣній. И братство можетъ распасться, выйти неудачнымъ. Но вѣдь и получившіе *благодать* крещенія отпадаютъ отъ Церкви, соединенные *таинствомъ* брака расторгаютъ союзъ. Свобода человѣческой воли можетъ уйти изъ подъ церковнаго благословенія, но это благословеніе даетъ силу человѣку, воля котораго слаба, но направлена на церковное дѣло.

Братство отмѣтаетъ надрывъ, ломку самого себя, искусственное вызваніе любви и горькое констатированіе своей холодности, а даетъ путь трудный, но ясный и прямой, какъ всякій путь въ Православіи. Въ благословенномъ Церковью союзѣ

есть глубокое внутреннее утвержденіе и связь, которая выше и глубже временныхъ расположеній. Это та твердая основа, передъ которой хотя и тягостны, но не страшны набѣгающія облака чисто человѣческихъ расхожденій. Именно въ формѣ братства такъ ярко выражены два безконечно глубокихъ момента христіанства: дерзновенный трудъ и смиреніе, потому что передъ значительностью и глубиной приносимаго объѣта такъ сильно ощущается собственное недостойнство, не мощь, слабость и недостаточность любви.

Вступленіе въ братство, принесеніе объѣта, ежедневная молитва о братствѣ и братчикахъ — является событіемъ и въ индивидуальной внутренней жизни. Братство изъ внѣшняго дѣла становится и дѣломъ внутреннимъ, постоянно творимымъ и вновь переживаемымъ въ духовной жизни. И то обстоятельство, что это происходитъ съ каждымъ и со всѣми вступающими и состоящими въ братствѣ, создаетъ ту внутреннюю духовную связь, которая такъ необходима для религіознаго дѣла, потому что всякое дѣло для того, чтобы быть подлинно религіознымъ никогда не можетъ быть только внѣшнимъ, но непременно должно быть нѣкоторымъ подвигомъ въ личной духовной жизни, отдачей себя, внутреннимъ дѣланіемъ. У братчика постоянно должно быть сознаніе, что онъ въ братствѣ и братство въ немъ. Благодаря церковному объѣту и церковному благословенію это сознаніе безбоязненно допускается человекомъ въ свою духовную жизнь, въ свое святсе святыхъ. Въ братствѣ есть не только внѣшне постигаемая, но и внутренне постоянно переживаемая сугубая связь съ церковью, не только братства въ цѣломъ, но и каждаго братчика лично. Долгъ передъ братствомъ является и долгомъ передъ церковью, нарушеніе объѣта братскаго нарушеніемъ и объѣта церковнаго. Если бы не было этой связи братства съ церковью, было бы постоянное внутреннее опасеніе отдачи себя чему то постороннему церкви, твореніемъ нѣкаго внѣцерковнаго кумира. Но все отдаваемое братству отдается черезъ братство Церкви, само братство должно быть однимъ изъ проявленій Церкви въ жизнь. И это дѣлаетъ внутренний путь въ братствѣ цѣлостнымъ и прямымъ.

Внутренній путь братства: трудный, глубокой и *трезвый* отвѣчаетъ и на очень трудный внутренне вопросъ о *подготовленности* для вступленія въ братства,

тотъ вопросъ, о которомъ такъ много говорилось и на Хоповскомъ създѣ. Этотъ вопросъ стоитъ передъ каждымъ, кто думаетъ вступить въ братство. Я знаю недостаточность любви, свою холодность свою слабость. Какъ же я при этомъ яркомъ сознаниіи могу осмѣлиться принести *обѣтъ* братской любви? Гдѣ граница любви и нелюбви? Насколько близокъ долженъ мнѣ быть человекъ, чтобы я могъ считать его братомъ? На какую степень совершенства я долженъ самъ подняться, чтобы сдѣлаться достойнымъ братства? При такомъ взглядѣ колебаніе никогда не можетъ кончиться, потому что глубоко неправославно сознание того, что раньше я былъ недостойнъ братства, а теперь настолько уже усовершенствовался, что могу вступить въ него.

Колебания и сознание важности совершаемаго шага при принесеніи обѣта должны быть. Также непременно должно быть и сознание своего недостойнства, своей неподготовленности, но это сознание не должно удерживать отъ вступленія въ братство. Братство соединяетъ людей не оттого, что они *достаточно* любятъ другъ друга, но именно оттого, что они любятъ *недостаточно*, что недостатокъ любви долженъ быть восполненъ церковнымъ благословеніемъ и обязательной молитвой. Поэтому готовность къ братству опредѣляется не степенью имѣющей любви, которую, впрочемъ, и невозможно опредѣлить, но *желаніемъ* любить и трудиться для этого. Два момента, о которыхъ уже говорилось: трудъ и смиреніе, раздѣленіе того, что мы можемъ дѣлать и что намъ можетъ быть дано, должны разрѣшить колебанія при вступленіи въ братство. Поэтому вопросъ о подготовленности очень важенъ, но онъ сводится къ подготовленности убѣжденія, воли и желанія, а не къ внутреннему состоянію любвеобильности или совершенства, которое на всякой степени будетъ, и совершенно правильно, казаться недостаточнымъ.

Все вышесказанное отнюдь не есть идеализація братства. Всѣ указанные черты выражаютъ лишь сущность братства, какъ такового, при внутреннемъ подходѣ къ нему. Они должны, по возможности, показать, почему появилось стремленіе къ братству, какъ болѣе полной внутреннею формѣ, чѣмъ религіозные кружки.

Но есть и другой подходъ, связанный съ первымъ, а именно, стремленіе къ братству какъ къ болѣе правильной

внѣшней формѣ православной организаціи передъ лицомъ тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя она передъ собою ставитъ и которыя ставитъ передъ нею жизнь.

Считая важнымъ религіозный переломъ, который сейчасъ несомнѣнно совершается среди русской молодежи, нельзя не думать и не заботиться о томъ, чтобы этотъ переломъ былъ во спасеніе, т. е. чтобы онъ совершался правильно и шелъ по правильнымъ путямъ. Приходъ къ религіи «вообще» еще не есть гарантія правильности. Увлеченіе теософіей, оккультизмомъ, сектантствомъ или Православіемъ въ извращенномъ нечистомъ видѣ можетъ завести въ еще большіе тупики, чѣмъ отсутствіе религіознаго интереса. Поэтому при оцѣнкѣ русскаго религіознаго движенія мѣриломъ правильности должна быть его православность. Поэтому нужно стремиться къ тому, чтобы оно было возможно болѣе церковнымъ. Если идетъ споръ о той или иной степени его церковности, то можно спорить о томъ, насколько оно *можетъ быть* церковнымъ, но не о томъ, что оно *вообще должно имъ быть*. Наибольшая степень церковности есть заданіе, которое нужно воплотить въ жизнь, не теряя при этомъ осторожности, не ломая движенія, ничего не ампутируя, не теряя изъ вида главной цѣли. Поэтому и вопросъ о братствѣ опять самъ собой распадается на двѣ части. Во первыхъ, является ли именно братство болѣе правильной не только внутреннею, о чемъ уже говорилось, но и внѣшнею формою для русскаго Православнаго движенія, формою болѣе православной и церковной. Во вторыхъ, можетъ ли эта форма исполнить то, что движеніе поставило себѣ цѣлью, въ данный моментъ, не помѣшать, но помочь той реальной работѣ, которая сейчасъ движеніемъ ведется.

Итакъ, сначала о первомъ.

Для того, чтобы движеніе было строго православнымъ, оно должно быть строго церковнымъ. До сихъ поръ церковность движенія опредѣлялась лишь одностороннимъ признаніемъ. *Движеніе* признавало Церковь и шло къ ней, встрѣчая поддержку и благословеніе отдѣльныхъ іерарховъ и пастырей. Оно было болѣе или менѣе близко къ церкви по духу, по стремленію, но оно стояло лишь въ оградѣ церковной, существовало при церкви, но не было церковнымъ. Для того, чтобы сдѣлаться церковнымъ вполнѣ, оно должно быть

признано и церковью, т. е. принять определенный церковный облик. Это единственно достигается въ братствѣ, потому что братство по существу своему и есть церковная организация мирянъ для распределенной церковной работы. Движеніе, исповѣдующее истину Православной Церкви стремящееся къ «оцерковленію» жизни, совершенно неминуемо и логически должно хотѣть въ первую очередь оцерковиться само, получить прямое и непосредственное благословеніе Церкви на свою работу.

Практически переходъ въ братство выразится въ принесеніи обѣта и въ подчиненіи церковной іерархіи. Разъ движеніе вѣритъ, что подъ водительствомъ православныхъ іерарховъ Церковь сохранила чистоту истины до нашихъ дней, оно вѣритъ и тому, что именно руководство іерархіи сохранить движеніе и удержать его отъ опасныхъ путей. Здѣсь можетъ быть поднято и дѣйствительно поднимается возраженіе, что эти слова есть уклонъ къ клерикализму, что не іерархія сохранила чистоту Православія, а вся Церковь, совокупность всѣхъ вѣрующихъ. Последнее замѣчаніе совершенно вѣрно, но оно теряетъ свою вѣрность, если превращается въ доводъ противъ подчиненія іерархіи. Совокупность всѣхъ вѣрующихъ — и мирянъ и іерархіи, причеъ въ правильномъ церковно-установленномъ взаимоотношеніи другъ къ другу, — именно и составляетъ соборную истину Церкви.

Въ прежнее время въ Россіи въ широкихъ кругахъ было очень распространено глубоко неправильное и губительное воззрѣніе, что вся церковная работа лежитъ исключительно на клирѣ и поэтому миряне совершенно избавлены отъ какой либо заботы о Церкви и участія въ церковныхъ дѣлахъ. Церковное дѣло является дѣломъ общимъ, забота о немъ и охрана его принадлежитъ всѣмъ, но мѣра и способъ церковной работы различно распределены между клиромъ и мирянами. Клиру принадлежитъ руководящая дѣятельность, для которой онъ имѣетъ и благодать и преемство традицій; мирянамъ же дѣятельность живая и творческая, но болѣе подчиненная. Всякое уклоненіе отъ этого правильного взаимоотношенія сразу грозитъ уклономъ или къ католичеству съ его клерикализмомъ или къ протестантству съ его ничѣмъ не ограниченной свободой. Поэтому и для русскаго православнаго движенія необходимо соблюденіе этого сред-

няго «царскаго» православнаго пути, совмѣщеніе казалось бы несомѣстимаго — свободы и іерархическаго подчиненія — таинственной антиноміи Православія.

Когда говоришь и думаешь о *русскомъ* православномъ движеніи, то какъ-то не ограничиваешься даннымъ моментомъ, но мысль всегда обращается къ тому времени, когда, Богъ дастъ, сдѣлается возможной открытая религіозная работа въ Россіи. Это сознаніе, которое непременно должно быть у членовъ движенія, что конецъ или вѣрнѣе подлинное начало ихъ работы будетъ въ Россіи, должно возлагать на нихъ и большую отвѣтственность. Члены движенія должны сознавать, что они, пусть слабыми силами, не въ большемъ числѣ и невѣрными шагами, все же дѣлаютъ *самое насущное*, самое важное русское дѣло. Путь религіознаго обновленія, путь внутренней побѣды надъ революціей — единственный путь къ спасенію Россіи, не отрицающей и внѣшняго переворота, но безъ котораго самъ этотъ переворотъ былъ бы безрезультатнымъ. Если мы себѣ представимъ тотъ неслыханный развратъ, который насаждается въ Россіи, шатаніе во всемъ, комсомольство, Живую церковь, разнузданность, однимъ словомъ все наслѣдіе страшныхъ восьми лѣтъ уже лежащихъ позади и наслѣдіе неизвѣстнаго числа годовъ еще грядущихъ, — то мы ясно поймемъ, какая громадная работа лежитъ передъ Церковью. При этомъ грандіозномъ развалѣ одни пастыри не смогутъ бороться со зломъ, если они не будутъ опираться на мирянъ, твердо стоящихъ въ церкви, твердо исполняющихъ указанія пастырей. Должно быть подлинное «оцерковленіе» жизни путемъ борьбы съ наслѣдіемъ большевизма, путемъ творческаго его преодоленія. Эта борьба — лишь одинъ изъ героическихъ періодовъ вѣчной борьбы Церкви съ дьяволомъ и его слугами.

Для этой необъятной творческой работы и миряне должны быть организованы.

Если мы такъ раздвинемъ рамки, если реально представимъ себѣ то, о чемъ мы никогда не смѣемъ забывать, намъ станетъ понятнымъ, почему религіозная организация, существующая за границей, должна ужъ теперь приходить къ церковной формѣ, не только быть связанной съ пастырями узами дружелюбія и пониманія, но всецѣло совмѣстить свой собственный творческій порывъ съ подчиненіемъ руководству іерарховъ. Съ этой широкой точки зрѣнія теперешняя форма «движенія», ис-

повѣдующая истину Церкви, но все же стоящая только у ея ограды, кажется не мужественной и не завершенной, не сдѣлавшей еще одного заключительнаго шага, не отвѣчающей тѣмъ требованіямъ жизни, который стоятъ передъ современной русской молодежью. Это не упреки движению, это только указанія на законность его стремленія оцерковиться, получить большую ясность и большую крѣпость.

Каковъ бы ни былъ строй въ Россіи, которому будетъ суждено замѣнить большевиковъ, можно сказать, что значеніе православныхъ организацій будетъ огромно. Православіе — сердце Россіи. Если это сердце не будетъ биться, не будетъ жизни и въ тѣлѣ. Для того, чтобы достигнуть своей цѣли эти православныя организаціи непременно, совершенно неминуемо должны совмѣстить въ себѣ двѣ черты. Среди расшатанности, неопредѣленности, тонкаго соблазна путемъ небольшого, казалось бы, компромисса достигнуть большихъ результатовъ, они должны имѣть *строгость, чистоту* Православія, мужественную опредѣленность своего непоколебимаго убѣжденія и вѣры, *храненіе традиціи* и здоровый церковный консерватизмъ. Но съ другой стороны они должны имѣть творческую широту и гибкость для того, чтобы захватывать собой и въ себя большія массы людей, для того, чтобы не только объединять уже церковныхъ людей, но и привлекать новыхъ членовъ, отвоевывать ихъ для Церкви. Братство, какъ церковная, подчиненная іерархіи организація, вполнѣ удовлетворяетъ первому требованію — строгости и церковному консерватизму. Оно должно быть построено такъ, чтобы удовлетворять и второму: гибкости и широтѣ. Эти два момента должно заключать въ себѣ и движеніе.

Мы уже видѣли, что братство является формой, раскрывающей и дополняющей то, что заключается въ кружкѣ, какъ въ смыслѣ внутренней жизни и внутренняго роста его членовъ, такъ и въ смыслѣ наиболѣе православной строго перковной формы религиозной общественности. Если разсматривать вопросъ о переходѣ движенія въ братство только съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, то для человека, исповѣдывающаго истину Церкви, нѣтъ ни колебанія, ни сомнѣнія, что движеніе въ принципѣ должно перейти къ братству какъ къ болѣе совершенной формѣ. Принципіально этотъ вопросъ не вызываетъ сомнѣнія.

Но вопросъ въ томъ, не является ли братство само по себѣ настолько твердой и неподвижной формой, что оно не можетъ имѣть необходимой гибкости и широты, что оно не сможетъ продолжать работу движенія. Такимъ образомъ мы подходимъ къ разрѣшенію вышепоставленнаго вопроса, можетъ ли движеніе практически перейти въ братство и продолжать ту работу, которую оно сейчасъ ведетъ.

Этотъ вопросъ сводится практически къ тому, какъ должно быть построено братство для того, чтобы сохраняя свою внутреннюю сущность, связь между братчиками и близость, оно было одновременно широкимъ и гибкимъ, т. е. имѣть тѣ положительныя свойства, которыя сейчасъ имѣютъ кружокъ и движеніе.

Противники (не принципіальные, а тактическіе) перехода въ братство говорятъ: религиозное движеніе среди молодежи растетъ стихійно. Въ него входятъ люди вѣрующіе и церковные, люди вѣрующіе, но еще не церковные, люди вообще еще не вѣрующіе, но тянущіеся къ вѣрѣ. Своей широтой и отсутствіемъ строгой формы движеніе всѣхъ ихъ принимаетъ и помогаетъ имъ придти къ вѣрѣ и Церкви. Если бы вмѣсто движенія было братство, оно замкнуло бы кругъ только уже твердо церковныхъ людей, уничтожило бы живые соки, питающіе его, перестало бы быть тѣмъ, чѣмъ сейчасъ является движеніе: организованнымъ выраженіемъ религиознаго перелома среди русской молодежи.

Этотъ взглядъ обоснованъ и правиленъ. Но онъ не противорѣчитъ братству, онъ только указываетъ на то *какимъ* должно быть братство чтобы восполняя недостающее въ движеніи, цѣликомъ продолжать его работу.

Въ движеніе и сейчасъ входятъ люди церковные, нецерковные, часто еще почти не вѣрующіе. Все же движеніе по духу является Православнымъ. Почему? Просто потому, что тѣ, кто ведетъ его, работаетъ въ немъ, не только официально, но просто выдвигаемые самой жизнью, уже осознали свою цѣль, уже являются православными. Люди еще нецерковные ходятъ около движенія, присматриваются къ нему, медленно въ него втягиваются. Говоря о переходѣ въ братство, мы говоримъ объ этомъ ядрѣ. Братство должно быть костякомъ движенія. Для тѣхъ, кто и сейчасъ уже твердо вошли въ него и уже этимъ самымъ вхожденіемъ ведутъ его,

необходимо братство для спайки, для внутренней связи, для твердости пути. Такимъ образомъ братство, являясь только ядромъ движенія, попрежнему устраиваетъ кружки, собранія, семинары открытые для всѣхъ. Но черезъ братство, все это цѣлое еще быть можетъ даже не пришедшее частью своей къ церкви, находится подъ руководствомъ церковной іерархіи, идетъ церковнымъ путемъ. Такимъ образомъ ничто не утрачивается въ движеніи, но только восполняется.

До сихъ поръ движеніе было всецѣло основано на кружкахъ, существовавшихъ въ разныхъ городахъ. Это должно быть сохранено и для братства. Отдѣльные кружки должны на мѣстахъ переходить въ братства. Въ братствѣ сплетены два момента: внутренней связи, требующей близкаго знакомства и интимности и внѣшней работы, требующей расширенія и увеличенія. Поэтому и братство русской молодежи мыслится какъ союзъ отдѣльныхъ братствъ. По своему внутреннему складу и пути, эти братства индивидуальны и раздѣльны, по единой цѣли и задачамъ онѣ составляютъ нѣчто единое: союзъ.

Какъ же можетъ совершиться этотъ переходъ? Онъ несомнѣнно долженъ на-

ростать снизу, изъ кружковъ, а что это стремленіе въ кружкахъ есть свидѣтельство Хоповскій съѣздъ.

Казалось бы, что естественнымъ путемъ былъ бы переходъ движенія въ *союзъ русскихъ православныхъ братствъ и кружковъ* съ постепенно увеличивающимся числомъ братствъ. Переходъ долженъ совершаться постепенно.

Всѣ вышеуказанныя мысли и проекты могли бы показаться нежизненными и утопичными, если бы не съѣздъ въ Хоповѣ и его *постановленіе, гласящее, что наиболее подходящей формой для кружковъ и движенія является братство.*

Хоповскій съѣздъ выявилъ, что въ движеніи есть стремленіе къ церковности, къ той формѣ, которая бы наиболее отвѣчала требованіямъ жизни, стоящимъ передъ русской молодежью. Этотъ съѣздъ показалъ, что русская молодежь, приходя къ религіи, выбираетъ правильный Православный путь. Съѣздъ поставилъ передъ движеніемъ ясную опредѣленную цѣль и поэтому всей своей жизнью движеніе должно идти къ достиженію этой цѣли.

Н. А. Клепининъ.